

Глава 1

— Это было прекрасно, мой повелитель.

Я равнодушно посмотрел на раскинувшуюся на смятых простынях женщину, встал и подошел к столу, стоящему напротив большого зеркала.

Взяв со стола перстни, оставленные на нем перед тем, как предаться любовным утехам, я принялся надевать их на пальцы в четкой определенной последовательности. Крупный рубин привязки души словно бы подмигнул мне, когда свет горячей свечи отразился в одной из его граней. В зеркале я видел свое обнаженное тело, которое вовсе не стремился прикрыть. Зачем? Мне нечего стыдиться.

— Налей вина, нам не помешает немного восстановить силы, — я в зеркале наблюдал за тем, как светлая эльфийка из правящего дома грациозно поднимается с постели и направляется к столику, на котором стояли бокалы и бутылка дриадского вина двадцатилетней зрелости. Ее обнаженное тело было прекрасно, мерцало в свете свечей розовым перламутром. Я всегда предпочитал зажигать именно свечи, чтобы живой огонь придавал комнате особую атмосферу.

Милфа взяла в руки тяжелую бутылку, и кроваво-красное вино полилось в бокалы. Она заметила мой взгляд и улыбнулась, но ее глаза оставались холодными, а в их глубине плескалось целое озеро ненависти.

Я усмехнулся и не торопясь надел на палец последнее кольцо. Сколько их было, таких вот гордых и светлых, которые в конце концов становились послушными и готовыми на все

шлюхами? И эту я тоже смогу укротить, ведь у меня впереди еще очень много времени. И эта женщина покорится моей воле, как покорилась ее страна натиску моих войск.

Я отвернулся от зеркала и посмотрел в окно. Тройная луна практически не оставляла шансов темноте, озаряя раскинувшийся вокруг дворца сад. Острый слух уловил переговоры стражи, которые обсуждали Милфу, отпуская при этом сальные шуточки. Я лениво задумался над тем, наказать мне их утром или сделать вид, что я ничего не слышал? Так или иначе, я не готов из-за какой-то очередной высокородной девки выставлять себя перед своими воинами в неприглядном свете.

Внезапно поймал себя на мысли, что мне невыносимо скучно. Я достиг практически всего, завоевал этот мир целиком и полностью, достиг совершенства в воинском искусстве и в магии, и сама богиня Иллари наложила на меня свое благословение. И вот теперь я откровенно скучал. Ведь не зря же снимал все перстни защиты, когда бросал на кровать очередную светлую, которую привели ко мне для развлечений. Все ждал, когда кто-нибудь из них попытается меня прирезать. Зря, видимо, ждал, они хоть и ненавидят меня, никогда не пойдут ни на что подобное.

— Мой господин Зелон, вы уже не хотите выпить вина?

Я повернулся к ней и провел ладонью по нежной коже щеки.

— Отчего же, я ведь сам велел тебе его налить, — забрав из ее рук оба бокала, несколько раз крутанул их и отдал ей один из них, внимательно глядя, как она, улыбаясь, подносит его к губам и делает глоток. И лишь убедившись, что Милфа сглотнула все, что залилось в ее рот, я сделал большой глоток из своего бокала.

Поставив бокал на столик, я уже хотел притянуть Милфу к себе, чтобы продолжить то, что мы совсем недавно завершили, но внезапно почувствовал резкую боль в груди и в животе. В глазах потемнело, и стало трудно дышать. В глазах же стоящей неподалеку твари мелькнуло торжество, и Милфа громко и счастливо рассмеялась.

— Что ты со мной сделала, сука? — прошипел я, хватаясь за край стола.

— Я тебя убила, грязный ублюдок, — торжествующе проговорила она и снова рассмеялась. — Смесь четырех ядов, каждый из которых мог бы оборвать твой жизненный путь, но я подстраховалась, я ввела все четыре.

— Ты отравила вино? — Мысли лихорадочно метались в голове, это же просто невозможно! Меня нельзя отравить таким способом, к тому же перстень, отвечающий за обнаружение ядов, никак себя не проявил.

— Нет, я отравила себя, — прошипела Милфа. — Я терпела страшную боль, когда яды пропитывали каждую клеточку моего тела, и еще большая боль пришла ко мне, когда Верховный маг не позволил мне сразу же умереть, не донеся посылку до получателя. Я позволила прикасаться к себе твоим грязным рукам, потому что знала, что моя смерть не будет напрасной.

Она говорила что-то еще, но я уже не слушал ее бредней. Кроваво-красный рубин снова подмигнул мне гранями, и я из последних сил потянулся к ним магией, соединяя ее с магией рубина, которую я так долго и кропотливо внедрял в камень, как раз на такой вот случай.

Камень вспыхнул, а я почувствовал, что наступают последние мгновения моей жизни в этом мире. Но, чтобы осуществить задуманное, мне и камню нужна была жертва. Думаю, что эта девка прекрасно подойдет.

Собрав в кулак все, что еще осталось, все крохи силы, подскочил к вскрикнувшей Милфе и моя рука сомкнулась на нежной шее. Одновременно с этим я начал принимать боевую ипостась, и когти, в мгновение ока появившиеся на руке, сжимающей горло светлой сучки, впились в податливую плоть, разрывая ее. По рубину потекла кровь, хлеставшая ручьем из обмякшей Милфы. Ну, она же хотела умереть, думаю, что она не в обиде на меня за то, что я немного ускорил исполнение ее желания.

Камень в перстне вспыхнул так ярко, что осветил на мгновение всю комнату, и это было последним, что я увидел, падая на пушистый ковер вместе с трупом убившей меня эльфийки.

Последнее, что я чувствовал, это досада. Досада на то, как же глупо и нелепо оборвалась в этом мире жизнь того, кого миллионы существ называли Повелителем и Владыкой, завоевателем мира под названием Анконда, в то время как другая половина существ, населяющих этот мир, иначе как Темный Лорд и Воплощение зла меня никогда не называла.

Глаза закрылись, отразив напоследок всполох пламени, вспыхнувший в рубине одного из перстней, который после этого потух, треснув посередине. По комнате прошелся сильный порыв ветра, залетевший в окно и затушивший все свечи. Комната погрузилась во мрак, и эта темнота скрыла лежащие на полу тела, не подающие признаков жизни.

Сознание вернулось рывком, вместе с головной болью. Я почувствовал, что лежу, и попытался перевернуться, но тут же свалился со своей довольно узкой лежанки на пол. Ладно, я вовсе не святой жрец из храма богини-девственницы, и бывало так напивался, что меня лежа покачивало, и с кровати тоже падал, и не раз. Да и ночевать порой приходилось в условиях, далеких от королевских, особенно во время похода. Вот только где я успел так нажраться, и куда меня в таком состоянии понесло, ведь очнулся я абсолютно точно не в своей спальне.

Я попытался встать на ноги, чтобы разобраться, где все-таки нахожусь, и тут же с ужасом осознал, что не могу этого сделать. Руки и ноги не хотели слушаться, словно меня парализовало! Я почувствовал, как накатывает паника, грозя затопить меня с головой, и тут мне удалось поднять голову и посмотреть вверх. Взгляд наткнулся на узкое окно, за стеклом которого прямо на меня смотрела круглая и яркая луна.

Моя нижняя челюсть слегка отвисла, но я даже не пытался вернуть ее на место. Куда-то в сторону отошел тот факт, что меня, кажется, парализовало. Потому что, чтоб всем демонам тьмы внезапно стать импотентами, луна на небе была одна!

Она, мать ее, была на небе в единственном экземпляре, она была одна!

И тут на меня бетонной плитой свалились воспоминания. И Милфа, пожертвовавшая собой, чтобы добраться до меня, и жуткая боль, терзающая, казалось, самую душу, и то, что мне хватило сил запустить спящее заклятье переноса души, чтобы не раствориться навечно в астрале, потому что я очень сомневаюсь, что эта сука позволила бы мне рассчитывать на перерождение.

Вместе с воспоминаниями пришло осознание того, что, похоже, мой план сработал. Вот только какого хрена меня вынесло из моего родного мира и забросило неизвестно куда? Зато теперь понятно, почему я не могу двигаться. Тело-то не мое, и чтобы не остаться гадящим под себя инвалидом, мне надо поторопиться и наладить связи с нейронными путями, идущими к мышцам. Да и про память нельзя забывать. Она все еще здесь, потому что не поняла того факта, что у этого тела сменился хозяин. Так что прекращаем страдать и начинаем знакомиться со своим новым телом, хозяина которого я бесцеремонно выкинул в астрал, и с этим новым миром, в котором, подумать только, всего одна луна.

И я погрузился внутрь себя теперешнего, принимая на себя командование телом и быстро просматривая воспоминания: учась заново ходить, говорить и мыслить так, как полагается местному жителю. Не могу сказать, что мне нравится то место, где я оказался, вот только выбора у меня нет. Обряд, подобный тому, который я провел, можно использовать всего один раз. Повторов и рестартов не предусмотрено. Так что, или я смирюсь и постараюсь стать если не тем, кем был раньше, то хотя бы приблизиться к тому идеалу, или же всегда можно пойти и повеситься, тем более что очередное перерождение я себе все-таки обеспечил. На каком-то этапе я почувствовал, что меня, в общем, все устраивает. Снова стать молодым, в меру неопытным. А тут еще и клыками придется выгрызть себе место под солнцем. Я определенно почувствовал уже забытый интерес к жизни, да что там, я снова захотел жить полноценной жизнью.

Полностью слиться с новоприобретенным телом мне не дали. Я уже знал, что чувство движения, которое меня посетило, когда я смотрел в окно, не было случайно. Просто я в настоящее время находился в поезде, который вез учеников старшей школы его императорского величества куда-то в горы, чтобы... Вот зачем и куда именно нас везли, я и не успел узнать, потому что дверь в купе, которое было закреплено за мной, распахнулась и раздался громкий смех, который быстро сменился глумливым обращением ко мне.

— Ой, Костик, я-то наивно полагал, что, раз мамочка решила тебя отпустить одного, без парочки слуг, которые тебе сопли бы вытирали, то ты сумеешь самостоятельно хотя бы в поезде до места доехать. Как жаль ошибаться. Хотя нет, насколько не жаль. Просто еще одно доказательство того, что ты всего лишь слизняк, мамочкина лапочка, которая даже не потрудилась тебе нормального учителя фехтования нанять, — просюсюкал голос.

Я смутно мог представить себя того, кто со мной сейчас говорил. В памяти все еще оставались огромные пробелы, а времени на то, чтобы добыть еще хоть что-то, уже практически не осталось. Этот тип меня отвлекал, да и к тому же я никогда и никому не позволял так со мной разговаривать. С телом, хвала всем богам, даже извращенцу Тиану, я справился, и теперь смог развернуться, чтобы посмотреть уже на этого урода, которому, похоже, доставляло удовольствие издеваться над парнем, который не мог ему ответить.

Тип оказался высоким, довольно красивым шатеном. Выражение брезгливой насмешки, застывшее на его породистом лице, выдавало в нем высшего аристократа. Или они здесь не так называются? Я еще не разобрался с терминами до конца.

— А не пойти ли тебе в овчарню, хрен с горы? — довольно любезно поинтересовался я у высокородного. Ну не знаю я его имени, не помню, что мне сначала надо поинтересоваться им, прежде чем нашу в высшей мере светскую беседу продолжить?

— Что ты сказал? — он сузил глаза, а его лицо враз потеряло немного надменности.

— Да ты еще и глухой, — я сокрушенно покачал головой. — К овцам, говорю, ступай, — я повысил голос, как будто и правда говорю с глухим. — Они уже заждались своего любовничка. Только с бараном ярку не спутай, а то нанесешь еще тяжелую моральную травму несчастному животному.

Он ничего не ответил. До этого момента все еще стоявший в дверях парень сделал шаг, очутившись на моей территории. Сжав губы, он размахнулся ногой, явно собираясь меня ударить.

Удара я ждать не стал. Прикасаюсь к себе я позволял лишь прекраснейшим из женщин, а этот юнец, у которого еще не все прыщи сошли с рожи, явно к ним не относился.

Перехватив его ногу в районе щиколотки, я одновременно развернулся и, опираясь на незанятую ногу, резко встал. Не ожидавший отпора аристократ начал заваливаться на спину, нелепо взмахнув при этом руками. Падал он явно неудачно. Мне со своего места было прекрасно видно, что, если он продолжит падение, то попросту проломит себе голову об острые края стоящего позади него столика, сделанного из какого-то металла. Такое обстоятельство, как убийство высокородного, вряд ли улучшит мою характеристику. Я дернул его за ногу на себя, и он грохнулся на пол, счастливо избежав встречи своей тупой головы со столом.

— Да я же убью тебя, выродок, ублюдок, позор своего клана! — заорал парень и попытался встать, но я все еще не выпустил из захвата его конечность, поэтому весьма логично было предположить, что ему не удастся этого сделать.

— Если ты еще раз дернешься, я просто сломаю тебе ее и всем скажу, что ты не смог самостоятельно завязать шнурки, поэтому приперся ко мне, но споткнулся о собственную ногу и упал, сломав ее, — ответил я, с трудом подавляя в себе желание осуществить угрозу. Говоря, я поставил свою нижнюю конечность ему на голень и несильно надавил. Рука в это время фиксировала его, формируя нечто вроде рычага. Мне нужно приложить совсем немного усилий, чтобы раздался весьма характерный хруст. Даже невеликих сил этого тела вполне хватит, чтобы повернуть такое.

— Тебе никто не поверит, Керн, — прошипел парень. Ему было больно, но он терпел, чтобы не давать мне в руки еще больше козырей против себя.

— Ну, мы же не сможем это утверждать, пока не проверим. — Пока он соображал, что мне ответить, я вспомнил его имя. Юрий Вольф, старший сын и наследник одного из влиятельнейших кланов этого мира. Да, его убийства мне точно не простят, потому что я таким положением похвастаться не могу.

Клан Кернов вовсе не был мелким или слабым, просто я был в нем парией, ублюдком, рожденным дочерью главы клана вне брака неизвестно от кого. Матери-то, конечно, известно. Но она молчала вот уже почти восемнадцать лет, как только на нее ни давили. Но так как бывший владелец этого тела был все равно Керном, то отец матери, скрипя зубами, решил дать незаконному внуку приличное образование. Хотя идея эта была, слабо говоря, хреновая. Никто никогда не скрывал того, что Константин Керн ублюдок. И, придя в школу, он столкнулся с такой травлей, что мне мгновенно стало понятно, почему он так быстро уступил свое тело Темной сущности, которой я являлся в момент заселения. Он просто устал, а бороться и вовсе никогда не умел. Вот только я — это не забитый и понукаемый с детства паренек. Я, вашу мать, Темный властелин, и сделаю все, чтобы со мной стали считаться.

Накрутив себя таким образом до вполне естественного предела, я злобно усмехнулся и уже действительно подумывал о том, чтобы сломать Вольфу не только ногу, но и парочку ребер для успокоения души.

Он понял, что я сейчас настроен решительно, и попытался вырваться, что ему почти удалось проделать, потому что я упустил из вида то обстоятельство, что Керн все же слабее, чем лежащий на полу Вольф.

Ему удалось одним резким движением вырвать ногу, и даже достать меня, вскользь ударив по голени каблуком своих наверхника очень дорогих туфель. В ответ я коротко рыкнул и что есть силы пнул его в пах, превращая его содержимое в готовящуюся яичницу.

Он взвыл, а я размахнулся, чтобы добавить все-таки по ребрам, вымещая на этой скотине всю боль, весь страх, который испытывал бывший владелец моего тела перед этим высококордным отребьем. Вольфу повезло, я не успел ему врезать. В тот момент, когда моя нога приближалась к его боку, раздался громкий металлический визг, а затем поезд так качнулся, что я не смог удержаться на ногах и полетел на пол. Успев сгруппироваться, я смягчил падение, ткнувшись лбом в живот Вольфа. Он охнул и поплыл, я же тоже не слишком хорошо соображал, все-таки удар был достаточно силен.

Поезд резко остановился, и воцарилась тишина, до этого прерывающаяся ритмичным постукиванием колес.

— Что происходит? — пробормотал я, пытаюсь подняться.

— Кто-то стоп-кран дернул, — также шепотом ответил Вольф.

Я невольно выглянул в окно.

— Зачем?

— Чтобы поезд остановить, не тупи еще больше, чем обычно, Керн.

В воздухе весьма ощутимо повисло напряжение. Но, по крайней мере, перед лицом странной опасности Вольф решил на время отодвинуть наши распри в сторону, напряженно прислушиваясь к царившей вокруг тишине.

— Не считай меня тупее ложки. Я знаю, зачем дергают стоп-кран. Мне просто интересно, кому пришла в голову гениальная идея останавливать поезд ночью посреди какого-то поля?

Мы переглянулись и начали ждать, когда последует хоть какое-то объяснение происходящего.

Глава 2

— Сохраняйте спокойствие, и никто не пострадает, — мелодичный женский голос пролетел по всему поезду, проникая в каждую, даже самую маленькую щель этого самоходного